

Научная статья

УДК 81'37(=512.36)

DOI 10.18101/2686-7095-2025-3-39-46

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗЛОСТИ И ГНЕВА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

© Сундуева Екатерина Владимировна

доктор филологических наук, доцент,

главный научный сотрудник отдела языкознания,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

sundueva@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются эмотивы, называющие злость, гнев и раздражение в монгольских языках. Целью данной работы является установление возможных мотивов номинации в эмотивах злости. Актуальность работы обусловлена важностью проблем, связанных с восприятием и осмыслением языковой личностью способов вербализации перцептивного и эмоционального опыта. Материалы для статьи были взяты из двуязычных, толковых словарей монгольских языков, а также полевых материалов автора. Были использованы описательный метод, методы сплошной выборки, систематизации выбранных языковых единиц и их контекстологического анализа. В эмотивной лексике монгольских языков рассматриваемого семантического поля представлены традиционные для данной сферы метафоры «злость — это пар», «злость — это жидкость», «злость — это огонь», «гнев — это опасный зверь». Злость в монгольских языках уподобляется яду, изжоге, закипая, бурля, пламенея и выходя наружу. Исследования в подобном ключе позволяют уточнить лингвистические и психологические представления о связи восприятия и познания, глубже осознать значимость системы интерпретации сенсорной информации, транслируемой с помощью разных ощущений в организме.

Ключевые слова: монгольские языки, глагол, существительное, прилагательное, эмоция, семантика, метафора, производящая основа, номинация, восприятие.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Сундуева Е. В. Лексическая экспликация злости и гнева в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 3. С. 39–46.

Введение

Монгольские языки обладают широкой номенклатурой глаголов, называющих такие отрицательные эмоции, как злость, гнев, раздражение. Целью данной работы является установление возможных мотивов номинации в эмотивах злости.

Актуальность работы обусловлена важностью проблем, связанных с восприятием и осмыслением языковой личностью способов вербализации перцептивного и эмоционального опыта. Материалом для исследования послужили данные двуязычных, толковых словарей монгольских языков, Бурятского корпуса и Монгольского корпуса. Были использованы описательный метод, методы сплошной выборки, систематизации выбранных языковых единиц и их контекстологического анализа. Рассмотрением различных аспектов проявления данной эмоции в монгольских языках занимались такие исследователи, как Б. Д. Цыренов [10; 11], Е. А. Дадужева [3], Н. М. Мулаева [9], Е. В. Комкова [7], и др.

Результаты

Следует отметить, что если многие глаголы, называющие страх, являются непроизводными, то большинство глаголов, называющих злость, образовано от имен существительных, реже прилагательных. М. Д. Чертыкова также указывает на образование глаголов данного семантического поля в хакасском языке преимущественно от субстантивных и адъективных форм [12, с. 55–61]. О. М. Ковалевский приводит следующие значения: п.-монг. *ауур* ‘воздух, атмосфера; пар, испарение; дух, дыхание; гнев, сердце, вспыльчивость; сила, свойство’ [6, с. 37]. В «Большом академическом русско-монгольском словаре» значения лексемы *уур* ‘пар; газы, воздух’ и ‘гнев, ярость, злоба’ даны в двух разных словарных статьях [1, с. 368], хотя эмотивное значение выглядит переносным, поскольку метафора «злость — это пар» является одной из основных метафор, обслуживающих зону ‘злость, гнев’ (ср. рус. *выпустить пар* ‘успокоиться после сильного гнева, перестать сердиться’, *пар из ушей* ‘сильное негодование’). На это же указывает Е. В. Комкова: «Гнев, подобно пару, может заполнять человека, требуя выхода» [7, с. 42]. В бурятской лексеме *уур* значения ‘злоба, гнев, ярость, негодование’ полностью вытеснили исходную семантику ‘пар’, которая полноценно закрепились в бур. *уурал* ‘пар, испарения’.

Эмоциональный взрыв отражается в бур. *уурлаһандаа тэһэрэн алдаха, сухалдаа тэһэрхээ ябаха* ‘чуть не лопаться от гнева’ (ср. рус. *взорваться* ‘не сдержав своего негодования, выразить его в резкой форме’, англ. *to blow a fuse* ‘взорваться от гнева’ и пр.). По наблюдению Б. Д. Цыренова, в разговорной речи встречаются глаголы *хахарха шуураха* ‘лопаться, трескаться; рваться, разрываться’, например: *Һамганинь, тугаарай ороходом, хахаржа шууража байна һэн* ‘Когда я недавно заходил, его жена взрывалась (букв. была в состоянии взрыва)’ [10]. Семантика выхода воздуха из организма прослеживается в глаголе баргузинского говора бурятского языка *уур сухал, унгуу(һа)н бааһан болохо* ‘сильно сердиться, выходить из себя’, где *унгуу(һа)н бааһан* — ‘газы, экскременты’. Ср. рус. разг. *исходить дерьмом, исходить поносом* ‘сильно сердиться, нервничать’.

Уподобление злости жидкой субстанции также представляет собой лингвистическую универсалию и выражается в бур. *уур сухалаар орьёлхо* (букв. ‘фонтанировать злобой’), *уур сухалаар дэбэрхэ* (букв. ‘выплескивать свою злость’) ‘сердиться,

злиться'. Метафора «злость — это огонь» проявляется в монг. *уур нь дүрэлзэх* 'пылать гневом', *уур нь улаан галзуу* 'яростный, гневный', *уур шатах* 'гневаться'. Как отмечает Е. В. Комкова, в монгольских фольклорных текстах практически всегда гнев, выражаемый словом *уур*, испытывают мифологические персонажи (лусы и савдаки) по отношению к человеку [7, с. 42].

П.-монг. *kiling* 'гнев, ярость' [6, с. 2530], монг. *хилэн*, бур. *хилэн*, калм. *килң* 'гнев, ярость' можно связать с образными словами, передающими световые явления: п.-монг. *güüger, güliger* 'блестящий, лоснящийся, сверкающий' [6, с. 2533, 2602], монг. *гилгэр* 'глянцевитый, блестящий, зеркальный', калм. *гилэн* 'белый, светлый; блестящий', монг. *гилбэ-* 'полыхать', *гилтгэр* 'ярко сверкающий', *гилхир-* 'блестеть, лосниться', *гилчгэр* 'атласистый, стекловидный', монг. *гялгар*, бур. *гилэгэр, гэлигэр*, калм. *гилгр*, ойр. синых. *гилгер* 'сверкающий', монг. *гялб-* 'ярко блестеть; быть ослепленным (ярким светом), слепить', *гялт-* 'виднеться сверкая'. Как известно, глаза являются наиболее важными из всех органов человеческого тела, используемых для передачи информации, по ним можно определить оттенки эмоционального состояния, судить о чувствах человека и его душевных качествах. Блеск глаз используется при объективации негодования в монг. *хяласхий-* 'блеснуть, сверкнуть глазами', монг. *жалбалз-* 'сверкать глазами', монг. *сэлбэлз-* 'стрелять глазами'. Выражение негодования или досады с помощью блеска глаз наблюдается в монг. *голго голго хий-*, бур. *ёлог-ёлог гэ-* 'бросать сердитый взгляд, коситься', бур. *ёлбой-* 'сердиться, коситься'. Та же семантика блеска прослеживается в омониме п.-монг. *kiling* 'бархат, плис' [6, с. 2530], монг. *хилэн*, бур. *хилэн*, калм. *килң* 'бархат; плис', что подтверждает п.-монг. *kilis kilis* 'блеск, отлив, отсвечивание на шелковой ткани' [6, с. 2531].

На основе предыдущего «сценария» перехода значений от сверкания глаз к злости можно предположить развитие значений в монг. *сухал* 'нервозность, нервность; раздражительность; вспыльчивость', бур. *сухал* 'гнев, ярость; нервность, раздражение', калм. *цухл* 'гнев, возмущение, негодование'. Вероятно, образный корень **či*q также обозначал световые явления, а именно блеск глаз, которые сохранились в монг. *цухалзах* 'выглядывать; промелькнуть', *цухас* 'мельком, скользь'. Следует отметить, что О. М. Ковалевский также приводит значения п.-монг. *či*qul 'узкий, тесный; теснение, притеснение, неудовольствие кому причиненное', *či*qultai 'узкий, тесный; стесненный, притесненный; недовольный', *či*qulduqu 'быть стеснену, оскудеть; быть недовольным, журить кого' [6, с. 2195]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» значения прилагательных *цухал* 'узкий, тесный' и 'нервозность, раздражение' даны в разных словарных статьях, в то время как глагол *цухалдах* 'быть узким; нервничать' и прилагательное *цухалдуу* 'довольно тесный; слишком раздражительный' оформлены как полисеманты [2, с. 279]. На наш взгляд, значения 'тесный' и 'сердитый' не связаны друг с другом семантически и восходят к разным этимонам.

Б. Д. Цыренов, изучив семантику существительных *уур*, *цухал*, *хилэн* в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языке на основе лексикографических, корпусных и полевых данных, пришел к выводу о том, что во всех трех языках *уур* и *хилэн* являются практически полными синонимами и выражают 'злость, гнев' как перманентное качество личности, а *цухал* выражает эмоциональное состояние гнева, вызванное каким-либо событием, фактом, действием, в том числе вербальным, третьих лиц [11, с. 65]. В связи с этим Е. А. Дадуева, изучая конструкции каузации эмоции гнева в бурятском языке, приходит к выводу о том, что редкое употребление глагола *уурлуулха* в Бурятском корпусе связано с тем, что эмоцию, репрезентированную лексемой *уурлаха* 'сердиться', носители языка воспринимают в большей степени как имманентно присущее состояние человека, не имеющее внешних раздражителей и не подверженное каузации [2, с. 11].

В словах п.-монг. *egdegüčekü* 'сердиться, возмущаться' [8, с. 296], монг. *эгдүүцэх*, торгут. *эгдүтх* 'негодовать, возмущаться' от монг. *эгдүү* 'негодование, возмущение, раздражение' заднеязычный согласный [g], на наш взгляд, передает значение прекращения, остановки дыхания благодаря такой акустико-артикуляционной характеристике звука, как соприкосновение задней части языка с мягким небом у самой гортани. Сильное возмущение, негодование может привести к временной трудности с дыханием или даже остановке дыхания, вызывая чувство удушья. Остановка процесса с помощью согласного [g] прослеживается в п.-монг. *joysuqi* [8, с. 1067], бур. *зогсохо*, монг. *зогсох*, калм. *зогсх* 'останавливаться', бур. *таг*, монг. *таг* 'совсем, совершенно': *таг дүлий* 'совершенно глухой', *таг тулаха* 'наотрез отказываться', *яг-таг бүтүүлхэ* 'прочно закупорить' и др.

Рассматриваемое эмотивное значение развилось на основе метафоры «злость — это яд, отравы» в существительном п.-монг. *qour-a* [6, с. 862], монг. *хор*, бур. *хорон*, калм. *хорн* 'яд, отравы', также в паре с п.-монг. *sir-a* 'желчь, кислота в желудке' [6, с. 1517], монг. *шар*, бур. *шара* 'изжога': бур. *хоро шаран* 'злопыхательство, злоба' (*хоро шараа бусалха* 'злиться, кипеть злобой', *хороо гаргаха* 'вымещать злобу'). Монг. *шар* и бур. *шара* имеют значение 'изжога', которые отражают действие закипания (*шар буцлах* 'страдать изжогой'). От данного существительного образованы глаголы монг. *хордох*, калм. *хордх* 'таить злобу; сердиться', *хорсох* 'ненавидеть, злобствовать; негодовать', бур. *хоролхохо* 'злиться, таить злобу', *хоромсохо* 'досадовать, злобствовать'. Существительное *шар* образовало глагол *шаралхах* 'злиться, кипеть злобой', значение которого зафиксировано в «Толковом словаре монгольского языка»¹, в «Большом академическом монгольско-русском словаре» *шаралхах* имеет значение 'вломиться в амбицию', т. е. 'обидеться и рассердиться, когда задето самолюбие или чувство собственного достоинства' [2, с. 342].

Также в значении 'злоба' выступает субстантивированное прилагательное бур. *хара* 'нечто черное' в сложном глаголе *хара ханаха* 'питать злобу, ненавидеть',

¹ URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/130633> (дата обращения: 20.08.2025). Текст: электронный.

нареции *харатайгаар* ‘злобно’. Примечательно, что в удмуртском языке *вож* (*вожээ вайыны* ‘рассердить, озлобить’, *вожаны* ‘ревновать’) происходит от финно-угорского **wižz-* ‘зеленый — желтый’ > ‘горький’ > ‘злость, зависть’. Связь между словами, обозначающими ‘зеленый’ и ‘горький’, ‘злость’ (ср. рус. *зеленый* и *зелье*), установлена также в индоевропейских языках [3, с. 41]. Цветообозначение *ногоон* в монгольских языках не обладает отрицательной коннотацией, хотя через значение ‘горький’ можно установить связь с метафорой «зло — это отрава».

Бур. *хэрүүлхэхэ* ‘злиться, раздражаться’ образован от существительного *хэрүүл* ‘ссора’ с помощью словообразовательного суффикса *-рхэ/-лхэ*, придающего значение проявления в значительной степени того, что выражено в производящей основе (например, *эзэрхэхэ* ‘господствовать’, *ноёрхохо* ‘показывать власть’), т. е. *хэрүүлхэхэ* можно интерпретировать как ‘быть на нервах, в связи с чем легко вступить в перепалку’.

Перенос поведения животного на поле человеческой эмоциональности наблюдается в п.-монг. *ауситнақи* ‘злиться, бушевать’ [8, с. 15], монг. *агцамнах*, бур. *агсамнаха* ‘горячиться, раздражаться, гневаться’, калм. *агсмнх* ‘буянить, дебоширить’ от основного значения ‘рваться вперед, горячиться’; бур. *доихорхо* ‘приходить в ярость, свирепеть’ от прилагательного *доихон* ‘бешеный, своенравный’, калм. *догирхх* ‘приходить в ярость’; п.-монг. *γalʃaɣuraqi* ‘беситься, неистовствовать’ [6, с. 998], монг. *галзуурах* ‘неистовствовать, свирепствовать’, бур. *галзуурха*, калм. *һалзурх* от основного значения ‘заражаться бешенством, страдать водобоязнью’. Значение монг. *улангасах*, бур. *уланхадаха* ‘становиться свирепым, неистовствовать’ развилось на основе ‘звереть при виде крови’, обусловленной существительным *улай* ‘добыча в виде свежего мяса, крови’. Как пишет П. Е. Клобуков, возможность потерять контроль над своим поведением в состоянии гнева, т. е. существование эмоции отдельно от нас, нашего сознания, а также опасные последствия, вызванные неадекватным поведением, позволяют развиваться метафоре «гнев — это опасный зверь», представляющей частный случай широко распространенной культурной метафоры «эмоция — это зверь внутри нас» [5, с. 43].

П.-монг. *γaniraqi* ‘быть бешеным, беситься’ [6, с. 979], монг. *ганирах* ‘разозлиться, прийти в ярость’, бур. *ганирха* ‘ругаться, кричать на кого-л., браниться, бушевать, быть вне себя’ (*ганирха габарха*, *ганирха тунирха* ‘бушевать’), калм. *һаньрх* ‘неистовствовать, быть вне себя’ от прилагательного п.-монг. *γani* ‘бешеный, лишенный ума’ [6, с. 979], монг. *гань*, бур. *гани* ‘бешеный, исступленный, буйный’.

Кроме того, в монгольских языках представлены эмотивные глаголы, восходящие к изобразительным словам. Монг. *тунтаганах*, бур. *тунталзаха*, *тунтаганаха*, *тунтайха* ‘капризничать, дуться, сердиться’ имеют яркую образную семантику, отсылая к внешнему виду человека с надутыми щеками. К образному корню **tunt* восходит прилагательное монг. *тунтгар* ‘округлый’. В русском языке *дуться* ‘выражать недовольство своим видом’. Бур. *абжаганаха* ‘озлобленно, сердито ругаться, ощериваться, оскаливаться’, *жабжаганаха* ‘разражаться бранью’,

основным значением которых является ‘болтать, тараторить’, имеют звукоподражательное происхождение. Возможно, в основе бур. *гангарха* ‘выражать недовольство, ворчать’ также лежит ономотоп (*ган-ган гэхэ*).

Затруднительно выделение мотива номинации в п.-монг. *kenteglekü* ‘быть вспыльчивым; вспылить’ [6, с. 2446], монг. *хэнтэглэх* ‘раздражаться’ образован от п.-монг. *kenteg*, монг. *хэнтэг* ‘запальчивость, вспыльчивость’. В бурятском языке *хэнтэг* имеет несколько иное значение ‘скупой, жадный’, соответственно *хэнтэглэхэ* ‘скупиться, жадничать; ворчать, брюзжать’.

Заключение

Таким образом, большая часть эмотивной лексики, обозначающей злость, гнев, раздражение в монгольских языках, претерпела процесс ассоциативного развития от основ, изначально обозначавших процессы и состояния внешнего, физического мира. В целом в эмотивной лексике монгольских языков рассматриваемого семантического поля представлены традиционные для данной сферы метафоры «злость — это пар», «злость — это жидкость», «злость — это огонь», «гнев — это опасный зверь». Злость в монгольских языках уподобляется яду, изжоге, черноте, даже экспрементам, закипая, бурля, пламенея и выходя наружу. Установлено, что значения злости и гнева могли развиться на основе зрительного восприятия глаз сердитого, разгневанного человека. Изучение лексики, называющей эмоции, в диахроническом аспекте может стать важным средством для уточнения механизмов выражения внутреннего мира человека через языковые средства монгольских языков.

Список сокращений

Бур. — бурятский; калм. — калмыцкий; монг. — халха-монгольский; п.-монг. — старописьменный монгольский.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 томах. Т. 3. Θ–Ф / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва, 2001. 438 с. Текст: непосредственный.
2. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 томах. Т. 4. Х–Я / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва, 2002. 502 с. Текст: непосредственный.
3. Дадуева Е. А. Конструкции каузации отрицательных эмоций в бурятском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 3(45). С. 9–17. Текст: непосредственный.
4. Душенкова Т. Р. Лексические дефиниции эмоции гнева в удмуртском языке // Вестник угроведения. 2017. Т. 7, № 2(29). С. 39–45. Текст: непосредственный.
5. Клобуков П. Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Москва: Филология, 1997. Вып. 2. С. 41–47. Текст: непосредственный.
6. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, 1849. V. I–III. P. 37.
7. Комкова Е. В. Испытывая гнев: кто, как и на кого разгневался в монгольском фольклоре // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4, № 1. С. 39–48. Текст: непосредственный.
8. Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley–Los Angeles, 1960. 1217 p.

9. Мулаева Н. М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13, № 4. С. 1103–1120. Текст: непосредственный.

10. Цыренов Б. Д. Лексико-фразеологическое своеобразие выражения негативной эмотивности в монгольских языках (на примере бурятских глагольных фразеологизмов с семантикой «гневаться») // *Russian Linguistic Bulletin*. 2024. № 5(53). URL: <https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.27> (дата обращения: 20.08.2025). Текст: электронный.

11. Цыренов Б. Д. Эмотивы со значением ‘злость, гнев’ в монгольских языках // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. 2022. Вып. 2. С. 59–66. Текст: непосредственный.

12. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2015. 160 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 16.10.2025.

LEXICAL EXPLICATION OF ANGER AND RAGE IN THE MONGOLIAN LANGUAGES

Ekaterina V. Sundueva

Dr. Sci. (Philology), A/Prof., Chief Researcher

Language Studies Department

Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., 670046 Ulan-Ude, Russia

sundueva@mail.ru

Abstract. The article explores emotives that denote anger, rage, and irritation in the Mongolian languages. The aim of the article is to identify possible motivations for nomination in anger-related emotives. The relevance of the work is determined by the importance of issues related to how an individual linguistic personality perceives and conceptualizes the verbalization of perceptual and emotional experience. The material for this study was drawn from bilingual and explanatory dictionaries of Mongolian languages, as well as the author’s own field data. The descriptive method was used, along with continuous sampling, systematic classification of selected linguistic units, and contextual analysis. The emotive lexicon within this semantic field in the Mongolian languages reflects metaphors traditionally associated with this domain: *anger is steam*, *anger is liquid*, *anger is fire*, and *rage is a dangerous beast*. In the Mongolian languages, anger is likened to poison or heartburn, boiling, bubbling, blazing, and bursting outward. Research of this kind helps refine linguistic and psychological understanding of the relationship between perception and cognition, and deepens the appreciation of the interpretive system through which sensory information – transmitted via various bodily sensations – is conceptualized.

Keywords: Mongolian languages, verb, noun, adjective, emotion, semantics, metaphor, derivational base, nomination, perception.

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the state assignment (the project: *The Human World in Mongolian Languages: An Analysis of Emotive Expression Means*, No. 121031000258-9).

For citation

Sundueva E. V. Lexical Explication of Anger and Rage in the Mongolian Languages. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 3: 39–46 (in Russ).

The article was submitted 22.08.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 16.10.2025.